

Иван Зорин

**ВЕЧНОСТЬ МИГА:
роман двухсот авторов**

ФТМ

Иван Зорин

**Вечность мига: роман
двухсот авторов**

«ФТМ»

2015

Зорин И. В.

Вечность мига: роман двухсот авторов / И. В. Зорин — «ФТМ»,
2015

ISBN 978-5-4467-3224-1

Роман российского писателя Ивана Зорина «Вечность мига» – грандиозная мистификация, в которой умещается вся история художественного слова; это произведение, равное «1001 ночи»; лабиринт, из которого невозможно выбраться; патент жанра «экслибри», где авторы выступают наравне с персонажами, а персонажи обретают равноправие с авторами. Роман «Вечность мига: роман двухсот авторов» можно читать с любой страницы; это роман-библиотека, сжатая в один том: бумажный змей длиной в бестселлер. Сотканная из настоящих и вымышленных фрагментов литературных произведений книга, в которой нашли приют шутки, притчи и рассказы размером «с ладонь».

ISBN 978-5-4467-3224-1

© Зорин И. В., 2015

© ФТМ, 2015

Содержание

Предисловие	6
Неосторожная мысль	7
Дело случая	8
Ранние наклонности	9
Последнее слово за нами	10
Лики прогресса	11
История одной истории	12
Последняя капля	13
Превратности судьбы	14
Человек – мерило всего	15
Смерть правозащитника	16
Юмор висельника	17
Себе во вред	18
Психология цифр	19
Четвёртая власть	20
Сказано – сделано	21
«Умом Россию не понять...»	22
Изощрённые козни	23
Голый король. Продолжение	24
Учение – свет!	25
Думать позитивно	26
Личные мотивы	27
Мудрость простодушия	28
Находчивость	29
Абсолютная истина	30
Реквием по художнику	31
Люди и звери	32
Основной вопрос философии	33
Страшная месть	34
Фата Моргана	35
Диалоги на кухне	37
Первородный грех	38
Любовь к жизни	39
Великое переселение народа	40
Тело, погружённое в жидкость	41
Всё и ещё половина	42
О пользе книг	44
Бессонница	45
Двойное дно	46
Мужское воспитание	47
Альтернатива	48
Другой, тот же самый	49
Все там будем	51
От противного	53
Пятая заповедь	54
Много шума из-за любви	55

Улыбки Резак-бея	56
Истина – в словах!	57
Другое кино	58
Казус	59
Вселенные из рукава	60
Любовь	61
Что время, что пространство	62
Дело в подходе	63
Легенда об отверженном апостоле	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Иван Зорин

Вечность мига: роман двухсот авторов

Посвящается Лизе

Предисловие

Один библиотекарь конспектировал книги на маленьких листочках, которые собирал в коробку. «Так их удобнее взять», – объяснял он свою карманную библиотеку.

Один писатель предпочитал длинному повествованию множество коротких. Он составлял антологии, приюхиваясь к минувшим эпохам, как гончая, находя оставленные ими следы. «Так их удобнее взять», – сшивал он лоскутья из оригинальных и апокрифических сочинений.

Эта книга соткана из фрагментов литературных произведений. В ней нашли приют шутки, притчи и рассказы размером «с ладонь».

Так их удобнее взять.

Неосторожная мысль

«Плоть не даёт сосредоточиться, тело мешает думать!» – учил один дервиш, изнурявший себя бесчисленными постами. Когда эти слова дошли до халифа – да продлит Аллах его годы! – он приказал отрубить дервишу руки и ноги, отрезать уши и язык, подвесив в мешке на дереве. «Какой глупый! – воскликнул халиф, когда дервиш умер. – Его освободили от всего лишнего, а он так ничего и не придумал».

Аль-Дживаз. «Ахбар ас-сифла¹» (889)

¹ Истории простого народа (араб.)

Дело случая

Один палач вошёл в темницу к юноше, которого приговорили к казни.

– Ты боролся с тиранией, которой я служу, – обратился он к нему. – Но и мне ведома справедливость, поэтому я отпущу тебя.

– Где бы я ни находился, – возразил юноша, – меня всюду схватят слуги раджи.

– Тогда, – предложил палач, – давай поменяемся платьем, и уйду я, а ты займёшь моё место – в тюрьме тебя не будут искать.

С тех пор палач устраивает заговоры, а юноша рубит заговорщикам головы.

Сатиочандра Датта. «Бенгальские пураны» (1687)

Ранние наклонности

Огромный лохматый пёс угрожающе рычал и, казалось, собирался хвостом выбить глаз.
– Не бойся, он не укусит, – успокоил мальчишку рыжий ирландец, берясь двумя пальцами за ошейник.

Ребёнок достал пистолет.

– Не бойся, он не заряжен, – мрачно ухмыльнулся он, целя ирландцу в лоб.

Мальчика звали Аль Капоне.

Джоан Скетч. «Глаза над дверью» (2001)

Последнее слово за нами

- Один увидел во сне, как перерезает чужое горло, а проснулся с больным своим.
- Это что! У одного во сне заболело горло, а проснулся – со своим перерезанным!

Записки психиатра

- Что делать, если после еды – в животе танцы?
- Прописываю вам танец живота.
- Смотреть? Или серьёзно хотите моей смерти? Может, тогда сразу танец на животе?
- На чужом – пожалуйста! А ваш слишком большой. Кстати, попробуйте от живота –

танцы.

Записки диетолога

- Мир по Сотворении был прекрасен, но Бог проиграл его в кости дьяволу.
- Слышал другое. «Я создал небо и землю, море и ветер, бегемота и цаплю, – ставя на кон Своё творение, швырнул камни Бог. А когда выпало мало, добавил: – И над миром поставил людей». Дьявол пригляделся: «Боже, что они с ним сделали!»

И отказался от выигрыша.

Записки богослова

Ардалион Куц, «По записным книжкам» (1920)

Лики прогресса

Он выпрыгнул из прошлого, как чёртик.

– Я – современник Карла Великого и Гаруна аль-Рашида, – поправил он на поясе рог трубадура. – А ты – овечки Долли и полутора десятка рок-звёзд. Не находишь, что мы похожи?

Я пожал плечами.

– Как и все в мою эпоху, я верил в Творца, ты тоже, как и все, веришь в Большой Взрыв. Правда, мы философствовали всерьёз, вы – «как бы». – Он заправил в штаны льняную рубаху. – Мы голодали в недород, жили по звёздам и умирали в срок, вы строите жизнь по рецептам врачей и диетами продлеваете старость. – Я замахал руками, но он остановил меня, приложив палец к губам. – А разве мы не сверяли время с палестинской Легендой, как вы – с мифами СМИ? И разве нас не согревала мечта о Царствии Небесном, как вас – иллюзия земного потребления?

Он насмешливо скривился.

– Из Библии каждый у нас знал устройство мира, вы же испытываете ужас от одиночества в огромной, бездушной Вселенной и, чтобы не сойти с ума, не думаете о ней, привыкнув жить в незнании...

Переводя дыхание, он поскрёб лоб грязным ногтем.

– Мы следили за папскими буллами, вы – за биржевыми прогнозами, для нас последней инстанцией был Бог, для вас – международный трибунал...

– Можешь добавить, – вставил я, ослабляя галстук, – что вы не сомневались в священной особе короля, а мы избираем президентов, над которыми смеёмся, и аплодируем политикам, которым не доверяем.

– Вот именно, и на кой чёрт такой прогресс?

Он показал язык.

– А вот за этим! – достал я пистолет и застрелил его.

Эрик Клише. «Социологический опрос в раннем Средневековье» (2000)

История одной истории

При багдадском дворе прославился один мутазилит.

– Что можешь ты знать об Аллахе, если не знаешь, как вывести перхоть со своей головы? – задавал он всем один и тот же вопрос.

– Об Аллахе нам известно от Пророка, – возражали ему. – О Пророке же толкуют хадисы, предания предков.

Тогда мутазилит рассказывал такую историю.

– На состязание мудрецов в Нишапуре султан Курдистана послал своего раба-суфия, мужа большого ума. Тот разгадал все предлагавшиеся загадки и в свою очередь задал свою: «Что общего у статуй с прокажёнными?» А когда его соперники смутились, ответил: «У тех и других со временем проваливаются носы». Его остроумие оценили по достоинству, присудив победу, и, пока он возвращался в Курдистан, впереди него неслись слухи. Говорили, что он всегда держит нос по ветру, может провалиться сквозь землю, так что наружу будет торчать только нос, или на сорок дней и ночей застыть неподвижно, как статуя. Передавали также, что в награду он получил столько золота, что позавидовавшие ему джинны превратили перевозивших золото верблюдов в каменные изваяния.

А султан, стоя на пороге, издали встретил его вопросом: «Слышал, у тебя проказа?»

Ибн Захир. «Китаб ан аль-кутуб» (1127)

² Книга о книгах (араб.)

Последняя капля

Она: «Пора выгуливать Шпица. Слышишь? Отложи, наконец, газету! А ведь я предупредила: заводить собаку в небоскрёбе – безумие. Лучше птицу – её хоть на крышу выпустишь. Ну, разве я не права? Хватит читать! Ему, видите ли, лень на лифте спуститься! Мало того, что мне жизнь сгубил, ещё и над животным издевается...»

Он (беря на руки собаку, шагает с балкона): «Ну что, Шпиц, погуляем?»

Эжен Ламурье. «Энциклопедия абсурда» (1967)

Превратности судьбы

Согласно одной бурятской легенде Чингисхан не умер в 1227 году и не похоронен на горе Бурхан-Халдун, а уснул. Пробудившись через триста лет, он видит жалкий конец своей Империи. «О, Тэнгри! – восклицает он, воздев руки к Вечно Синему Небу. – Где мои степные бахадуры? Где их застилавшие солнце стрелы, где их трепещущие на ветру бунчуки? Где их свистящие арканы, просторные шатры и бесчисленные табуны? О, Тэнгри! Когда-то молодой удалец набирал среди кочевий людей длинной воли, чтобы резвыми скакунами вытоптать мир, как траву, и за это его прозвали Потрясателем Вселенной. Он учил, что жизнь одного бесстрашного стоит тысячи жизней трусов. Его богатыри были как серые кречеты, – теперь их кости клюют вороны, а их кривые сабли ржавеют – но не оттого, что насытились кровью. О, Тэнгри! Ты прибрало и друзей, и врагов, зачем же оставило немощного старика, который видит сны о Чингисхане?»

С тех пор Владыка Мира бродит среди сопок, и дети смеются над его седой бородой.

Эренжэн Хара Мангьит. «Наследие степей» (1928)

Человек – мерило всего

– Те, кому личностная история кажется куда интереснее истории Вселенной, а отдельная судьба представляется значимее мировых судеб, занимаются искусством. Те же, кому наоборот – наукой.

– По-твоему, учёные о себе не думают? Ещё как! Только и мечтают: «Вот разгадаю тайну Вселенной и – продам!»

Прот Агор. «Скептические диалоги» (II в. до н. э.)

Смерть правозащитника

Он был добрейшей души человек. К тому же – скромник, про таких говорят: «Будет стесняться даже на собственных похоронах». К старости он увлёкся буддизмом, и ему взбрело в голову выступить в защиту насекомых. Его матрас стал рассадником клопов, которым он, ворочаясь ночами, исправно служил донором, а за печкой он устроил блошиный питомник, так что в его избе танцевали от неё подальше. Со временем его друзьями стали гусеницы, тля и вши, а сырыми вечерами он подставлял голую шею комарам, предлагая: «Нате, пейте!» Вскоре по округе поползли слухи, что тараканы из щелей залезли к нему в голову, но у правозащитника появились подражатели, обретшие смысл в спасении наших булавочных собратьев. Они пышно хоронили раздавленных каблуками козявок, боролись против привычки щёлкать мух и воротили носы от женщин, визжащих при виде пауков. Движение ширилось, а вместе с ним росла и слава его основателя. Дело дошло до того, что его пригласили на телевидение с речью об энтомологическом геноциде. Он отказался. Понадеявшись на свою известность, он думал обойтись без прессы. «Вы сами, как подкованные блохи, – съязвил он телевизионщикам, – у вас на каждый язычок приготовлен ярлычок...» В отместку те заявили к нему, принеся на подошвах сотню затоптанных букашек. Старика тут же хватил удар. Однако он остался до конца верным своему делу и перед смертью завещал соорудить себе могилу из муравейника возле пасеки, чтобы над ним кружились мохнатые шмели.

Иштван Надь. «Демократия как фарс» (2004)

Юмор висельника

Повезло одному приговорённому к повешению. Желание смертника – закон, и в день казни исполнялись все его прихоти, седые стражники потакали всем его капризам. Он заказал роскошный ужин, дорогого вина и женщину. С ним носились, как с писаной торбой, ему прислуживали палач и начальник тюрьмы, а приглашённый оркестр услаждал его слух.

И все с нетерпением поглядывали на часы.

Но в последний момент пришло помилование. «Надо же, один только день и пожил по-человечески!» – вспоминал он остаток жизни.

Дафна Бертрам. «Всё познаётся в сравнении» (1835)

Себе во вред

После ужина пили коньяк, курили. Рюмка развязала язык, с пунцовыми щеками она трещала, как сорока.

– Смотри, все слова переговоришь, – остановил её он.

– Это как?

– А так, – загасив окурок, плотно устроился он в кресле. – Давным-давно жил на свете неисправимый болтун, который мог часами распространяться о чём угодно...

– Он был политик? – наморщила она носик.

Он пропустил мимо.

– В округе от него все разбежались, а, выходя из дому, молились, чтобы случайно с ним не столкнуться, и их молитвы были услышаны. Бывало, человек этот долбил, как дятел, одно и то же, а тут стал замечать, что раз произнесённое слово навсегда исчезает из речи. Он будто его забывал: скажет «дождь» – и забудет, скажет «лес» – и тот вылетит из головы...

– Склероз? – опять вставила она.

Он остался невозмутим.

– Поначалу человек не обращал на это внимание, ведь он был великий оратор, перед которым мерк Цицерон, и легко находил новые выражения для своих мыслей. Он подбирал синонимы, вместо «дождь» говорил «вода, струящаяся с неба», вместо «лес» – «группа растущих вместе деревьев». Отрицая противоположное значение слова, которое уже не мог употребить, объяснялся от противного, что выглядело иногда, как загадка. Так вместо «кошка» он однажды сказал «мяукающий зверёк», в другой раз – «домашнее животное, но не собака, не лошадь, не курица, не хомяк...» и, перечислив с десяток домашних питомцев, вычеркнул их из памяти. Таким образом, его лексикон катастрофически сужался, немота подступала к нему, как вода к княжне Таракановой, теперь он всё чаще замолкал посреди разговора и, не в силах подобрать слова, объяснялся жестами. Тогда он стал выдумывать неологизмы, изобрёл собственный волапук, но и это не спасло – его языка никто не понимал. Пробовал он употреблять и знакомые ему иностранные слова, но они быстро исчерпались, а учить новые языки он не успевал – они забывались прежде, чем он овладевал ими...

Сунув в рот сигару, он щёлкнул зажигалкой, покосившись на дымивший кончик.

Она сидела, поджав ноги, и была вся внимание.

– Кончилось тем, что человек онемел. Он бродил в безмолвии посреди шумного, крикливого мира, страдая от того, что не может возвысить в нём голос. А однажды, созерцая толпу, заглушавшую пение птиц, вспомнил Гарпократа, бога молчания, которого изображали с прислонённым к губам пальцем; и тут его осенило, что каждое слово создано, чтобы быть произнесённым единственный раз, только тогда оно действительно, только тогда несёт смысл. А ещё он понял, что в повседневной жизни, пресной и однообразной, можно обходиться без слов. И тут к нему вернулся дар речи, которым он до конца дней так и не воспользовался...

Он выпустил дым:

– Вначале было Слово, а потом – слова, слова, слова...

– Грустная притча, – пересела она к нему на колени. – От частого повторения слова затираются. – И тут же капризно надула губки: – Глупый, зачем ты это рассказал? Больше не буду говорить, что люблю тебя!

Елизавета Александрова. «Он и она» (1984)

Психология цифр

В отличие от нашей математики, устанавливающей законы сразу для всех чисел, благодвильбрижцы придумали математику для каждого числа в отдельности, точно боясь их обидеть. Поэтому числа у них существуют обособленно, замыкаясь в своих непересекающихся мирах-скорлупках, точно в сотах, властвуют там, не подозревая о наличии друг друга, не подчиняясь общим правилам. Мне кажется, благодвильбрижцы поклоняются числам, как богам. Отведя каждому свою судьбу, мифологию, поселив в отдельные кумирни, они сделали из их ряда языческий пантеон.

В Шумриназе, стране, граничащей с Благодвильбриггом, построили математику, в которой результат операций над одними и теми же числами зависит от того, кто их производит. Одни и те же действия приведут дворянина – к одному, простолюдина – к другому, а купца – к третьему. По моему мнению, так закрепляется сословное неравенство. Впрочем, результат зависит и от личных качеств считающего, от того, левша он или правша, женат или холост, и даже от времени суток, когда производятся вычисления, от того, идёт ли дождь или светит солнце. Таким образом, общий счёт у шумриназцев невозможен, и возникающая путаница приводит к бесконечным спорам, чья математика лучше. В пользу своей индивидуальной арифметики они приводили тот довод, что раз голова у каждого своя, то и заключённая в ней вселенная должна иметь свою алгебру и геометрию, которые бы её отражали. «Арифметика, как религия, у каждого своя», – утверждают они. Когда, доказывая обратное, я привёл в пример нашу математику, удобства которой несомненны, потому что дважды два в ней всегда – четыре, а трижды три при любой погоде – девять, они были крайне удивлены. Она показалась им настолько скучной, что грозила свести с ума.

Джонатан ван Орин. «Новые путешествия Гулливера» (1752)

Четвёртая власть

В лесной глуши жили два певца. Когда они выводили трели, то птицы с позором смолкали, а весенние ручьи переставали журчать. Опережая эхо, их бас поочерёдно оглашал лесные окраины, и боги толкались тогда на галёрке, чтобы их услышать. И вот однажды в лесу заблудился столичный репортёр, рыщущий сенсации, точно свинья – жёлуди. Тропинка привела его к хижине одного из певцов, и он, недолго думая, толкнул дверь.

Фамилия хозяина оказалась Шаляпин.

Имени другого певца так никто и не узнал.

Никанор Мецкерский. «Так устроен мир» (1921)

Сказано – сделано

Когда цыганский барон узнал, что его дочь влюблена в простого пастуха, то поклялся перед всем табором отдать её за первого встречного. Вскоре к нему привели какого-то проезжего.

– Возьмёшь мою дочь?

– А она меня не опозорит? – спросил он, сомневаясь в её невинности. – Будет ли утром кровь?

Барон посмотрел на дочь. Густо покраснев, она кивнула.

И наутро свадебный шатёр был действительно в крови – зарезав ночью жениха, цыганка сбежала с пастухом.

Николае Ромалэ. «Цыганский вальс» (1823)

«Умом Россию не понять...»

Жил в русской глубинке Иван. И была у него мечта – в Москву съездить. Россия большая, один билет чего стоит – и копил Иван деньги всю жизнь. Наконец, сел в поезд, и прямо с вокзала – на Останкинскую башню. Столица – как на ладони, аж голова кружится! Посмотрел Иван на Москву сверху вниз, посмотрел на белокаменную и – плюнул:

«Да пропади она пропадом, Москва-то!»

Николай Блесков. «Разочарованный странник» (1981)

Изощрённые козни

Господин Чан Чунь, чиновник из Хэси, отличался скупостью и злобой. Нелюдимый, он скопил огромные богатства. Детей у него не было: его жёны умирали от тоски, не успев родить, а из родственников была только бедная чета в далёкой провинции. И вот до четы доходят вести о смерти Чан Чуня, завещавшего им своё поместье. Они очень обрадовались, надеясь, что теперь выберутся, наконец, из постоянной нужды, запрягли повозку со скудным скарбом и отправились в Хэси. Прибыв на место, они застали в доме престарелого слугу – остальная прислуга, по его словам, была распущена Чан Чунем перед кончиной. Слуга вручил им завещание. «Вы вступаете во владение моим имуществом на вторую луну после прибытия, – гласили иероглифы на шёлке. – Вы вольны распоряжаться им по своему усмотрению, но, что бы ни случилось, не имеете права прогонять старого слугу. Знайте, что скоро произойдут события, в которых он окажет вам важную услугу». Шли годы, которые супруги проводили в постоянном ожидании, гадая, какие события должны разыгаться. Они думали, что найдут зарытый Чан Чунем клад или Император подтвердит их высокий титул, унаследованный от умершего чиновника. Гремел ли гром, проезжал ли мимо всадник, просивший постоя, выдавался ли неурожай или крестьяне видели в небе крылатого дракона – они всё связывали с грядущими событиями, о которых предупреждало завещание. Другой тяжкой обузой стал слуга, который отравлял им дни. Казалось, он перенял нрав своего бывшего хозяина, делая жизнь невыносимой. Первой, не выдержав, заболела жена, за ней слёг муж. Мрачный слуга приносил им по утрам горшочки с рисом, но они уже и есть не могли, увядая на глазах. Слуга был бесстрастен, и только иногда в его глазах вспыхивали злые искорки. Однажды муж решился спросить, не знает ли слуга что-нибудь о предстоящих событиях.

– Почему предстоящих? – удивился тот. – Они давно идут, их главные участники – вы сами.

– А какую же важную услугу ты нам окажешь? – слабея, спросила жена.

– Когда вы умрёте, – зловеще расхохотался господин Чан Чунь, – я вас похороню!

И Сым Чжусу. «Книга утраченных царств» (VII в.)

Голый король. Продолжение

– А король-то голый! – закричал ребёнок, указывая на бредущую мимо процессию.

И вокруг него тотчас образовалась пустота.

– Негодяй! – ущипнула его какая-то женщина.

И заткнула уши. А минуту спустя портные, шившие королю воздушное платье, накинули ребёнку платок на роток и отвели за угол:

– Чего орёшь! Думаешь, все слепые?

И мальчик прозрел.

– Я, я... – пролепетал он. – Я хочу предложить беруши из «лапши»!

С тех пор он работает на телевидении, превращая зрителей в голого короля.

Андерс Хансен. «Сказки на новый лад» (1965)

Учение – свет!

- Прочитывая книгу, пробегаешь глазами километры!
- Полезнее бегать босым по траве.

- Изучай больше правил!
- И поймёшь, что жизнь – исключение.

- Читать – строить ум!
- А глаза – ломать.

- Познавать мир – значит познавать себя!
- И зря терять время.

Артём Бывальый. «Здоровый скепсис, или Пособие для начинающих жить» (1935)

Думать позитивно

Мысли покойного: «Гроб, конечно, тесноват. И подушка низкая. Ну да ладно, потерплю, кремация уже скоро. А с кем это жена кокетничает? Никак, с Теодисием Сиропулосом? Эх, врезать бы ему, да руки не действуют. Впрочем, тогда пришлось бы самому ботинки начищать...»

Мысли хоронящих: «На гробе-то сэкономили. И траур совсем не нарядный. А что это за брюнет рядом с вдовой? Чёрт, торчать ещё не меньше часа! Ну, не беда, возьмём своё на поминках, говорят, вдова – знатный кулинар...»

Мысли вдовы: «Ничего, что гроб бедноват – под цветами не видно. Зато ботинки блестят – ослепнуть можно. Однако, как много народу нацелилось на поминки! Надо будет представить им Теодисия, не устраивать же отдельные смотрины...»

Феоктист Закаридис. «Советы в никуда» (2003)

Личные мотивы

Дело происходит в одной из стран, историю которых наполняют перевороты и заговоры. Вот как объяснил своё участие в политической борьбе лидер победившей там революции. (Его именем вполне может быть Эскобар Санчес или Атабег Маздак-оглы.)

«Я родился в богатой аристократической семье и не имел ничего против действовавшего режима. Охота, гольф, званые ужины занимали моё время, женщины, роскошные автомобили и дорогие вина составляли круг увлечений. Пока внезапно на меня не свалилась болезнь. Врачи терялись в догадках, лекарства не помогали. Я предпринял путешествие в Европу, но и в её лучших клиниках развели руками. „Это у обычных людей болезни обычные, – сказали в одной из них, – а вы незаурядны“. Но я, как в трясику, всё глубже погружался в болезнь, сосредоточившись на ней, сходил с ума, пока однажды, в минуту отчаяния или просветления, не решил, что болею от праздности, что решительное дело, если не излечит меня, то отвлечёт. Так я примкнул к мятежникам. За высокопарной фразеологией я скрывал истинную причину, приведшую меня в их ряды, на сходках я говорил о всеобщем освобождении, но подразумевал собственное. Недуг делал меня красноречивым, мои выступления отличало горячее вдохновение. Мой язык, наряду с моими деньгами, завоевали мне популярность, и я стал во главе движения. Но главное, я убедил себя, что источником моих страданий является действующая власть, в которой прежде у меня было много искренних друзей. Я отдал все силы на подготовку восстания – и болезнь стала отступать. А окончательно я победил её с нашей победой. Посмотрите, как ликует народ! Меня переполняет гордость, и моё признание уже не имеет значения».

Борке Лумис Торкес. «История как курьёз» (1928)

Мудрость простодушия

- Я понял, как устроен мир!
- И как же?
- Неправильно!
- И всё?
- А куда больше? Зачем знать неправильное устройство?

Афиноген Грамматик. «В садах Академии» (IV в.)

Находчивость

Валерка – хитрый. Раз на танцах в чужом селе вышла у меня по пьяному делу стычка с местным. Отошли, как водится, в сторонку, я, не дожидаясь, ему и врезал. А он стоит, не падает! Здоровый оказался. А тут ещё из темноты трое подваливают. И все – кровь с молоком! Ну, думаю, Вася, попал ты, отметелят по полной! Весь хмель сразу вышел. Но тут вдруг сзади Валерка кричит: «Вася, только не доставай нож!» Какой нож? Ножа-то и в помине нет! А Валерка надрывается: «Вася, отдай нож, лучше так дерись!» Местные застыли. А кореш мой, знай, жарит: «Тебе что, мало? Только отсидел и опять?» И, заслонив меня спиной, обращается к местным: «Ребята, не доводите до крови, ему теперь на полную катушку отмотают!» Те попятнулись. Одно дело кулаками махать, а на финку напороться кому охота? Так и разошлись с миром.

Василий Грогуц. «Друзья моей шальной юности» (1976)

Абсолютная истина

– Что лучше, – спросил меня как-то учитель Чжэн, – волосатость или лысина?

Я пожал плечами.

– И всё же, попробуй ответить, – настаивал он.

– Из прошлого известно, – начал я, – что благородный муж с лысиной энергичнее, он сильный любовник, зато муж с густой шевелюрой выглядит привлекательнее...

Замахав руками, учитель перебил меня:

– А на других исторических примерах мы видим обратное: как раз мужи с длинными волосами неутомимы в бою и любви, а чистые, как зеркало, неоскверненные растительностью, смотрятся красивее.

Я окончательно смутился.

– И всё же, предпочтение есть, – смиловился учитель. – Скажи, какой сейчас правитель вашей области – лысый или лохматый? Это и определит, что лучше – иметь причёску или нет!

Цао Ли. «Учитель Чжэн» (1539?)

Реквием по художнику

Забранное решёткой окно отделяло боль от серости: боль человека – от серости дождя, боль гения – от серости раздражителей. В тусклом зеркале отражались протекающий умывальник, расшатанная этажерка и низкий потолок, навевающий мысли о склепе. Сгорбленный креслом, Поэт перечитывал своё лучшее произведение – семь рифмованных строф, посвящённых возлюбленной. Томик «Избранного», словно взъерошенный птенец, кричал в гнезде из пальцев. «Колокольцы без языков, – уткнулся Поэт в мёртвые буквы. – Любить не значит писать о любви, жизнь не сводится к сумме ежедневных мыслей».

Пахло сыростью, в напольной вазе блекли фиалки. «Счастливы немые, им уготовано царство земное, – думал Поэт. Или так думала Старость Поэта. – Блаженны нищие воображением, ибо утешатся они Необходимостью, блаженны убогие, ибо обретут они скуку Действительности». Губы ещё шевелили обращённую к стенам проповедь, как вдруг он увидел себя – паука, ткущий сеть слов, муха, бьющаяся в их паутине. Кто призвал его отделять Слово от слов, растажиженных веками?

И на него навалилось одиночество, отвратительное, как толпа.

«Поэт – это проклятье, – клевал кто-то внутри. – Его строки выводит отчаяние, его реальность – пустые грёзы. Что толку в мечтаниях? Пусть они и всепроникающие, как Бог, пусть они и сейчас с тобой – в сумасшедшем доме».

Пальцы затрепетали, и дрожь передалась книге. Поэт смежил веки, и перед ним опять встали слова. Слова, слова, вываленные в чужой пыли слова, рабы, сбросившие оковы смысла, кукушки, давно оставившие суть вещей. Их, как вспаханное поле, передают по наследству вместе с безумием солнца и печалью луны.

Поэт ссутулился, уронив голову, на грудь. Любое ремесло – не крест, а горб, жрец искусства – такая же насмешка, как и магистр философии. «Впрочем, искусство – инакоформа философии, – переставлял он слова, как детские кубики. – А философия – инакоформа искусства, это различные формы инако...» Некоторое время он ещё упорно ловил окончание: «бытия», «сознания», «мыслия», – пока ни обнаружил себя среди вещей, которые намного старше их названий, пока ни вернулся к реальности-необходимости, пока ни упёрся в решётку, отделяющую боль от серости.

Капли по-прежнему долбили умывальник. Вот она, единственная мелодия, вот он, единственный рефрен! Жизнь – скучная притча, бессвязная, как бормотанье юридивого.

По улице полз заблудившийся автобус. Стена дождя плашмя повалилась на булыжники, разбившись в ручьи, и прохожие воробышками прыгали по мостовой – расчётливо, опасливо.

И тут Поэт вдруг увидел смысл происходящего и вздрогнул, ибо острота видения – это острота боли. Подобрал с улицы метафору, он разгадал скрытый символ: слова – это камушки в мутном потоке сознания.

Смотри же, не сорвись с них в безумье тьмы, не забрызгай в сумасшествии своё белое, вытуженное чужими страданиями платье, не забудь, что шаг в сторону с проторенного другими пути – это Голгофа!

Фенимор Саливан Оберли. «Эзра Граунд» (1948)

Люди и звери

Этот случай произошёл в Африке, где я охотился на слонов. На заходе солнца я выследил небольшое стадо и подстрелил из укрытия молодого самца. Он упал, но снова поднялся, жалобно трубя. Передвигаться он не мог, видно, пуля задела позвоночник, и, мотая хоботом, топтался на месте. К нему тотчас подошли два других гиганта и, точно охранники, встали по бокам. Хлопая ушами, они старались поддержать его туловищами, пытаясь защитить от опасности, которую выискивали по сторонам маленькими злыми глазками. Так они простояли всю ночь. Наконец, на рассвете подранок свалился. Но и тогда меня не подпустили к бивням, забросав тело хворостом, точно похоронив.

Эта сцена всплывает у меня каждый раз, когда взывают о помощи. Мы также бессильны, несмотря на всю нашу технику, также немощны и способны лишь оплакивать. Впрочем, мы не делаем и этого...

Карл Бэкли. «История всеобщей беспомощности» (1931)

Основной вопрос философии

С рождения невидимые руки тащат меня вниз по лестнице. О, боги! Что ждёт меня в тёмном подземелье?

Древнеегипетские тексты. «Папирус из Фив № 21» (XV в. до н. э.)

Страшная месть

Во времена, когда история ещё не считалась наукой, а сводилась к историям за чаркой, рассказывали, что жена одного купца, которую тот поколачивал, по злобе настроила донос царю, будто её муж – великий лекарь. Царь в ту пору мучился ломотой суставов, и купца тотчас вызвали в Кремль. Там он клялся-божился, что ничего не смыслит в знахарстве, но после розог и угрозы смертной казни нарвал в лесу каких попало трав и приготовил царю ванну. А когда она чудом помогла, его опять высекли – за то, что держал рецепт в секрете. Так жена добилась своего. Но купец вскоре обо всём догадался и, разведясь, устроил так, что жену выдали за иностранца. Тот её полюбил, но через год супруга загрузила. «Ты меня не любишь, раз не бьёшь», – призналась она. Пришлось иностранцу надавать ей оплеух. А потом, чтобы доказать свои чувства, взялся и за плеть. Супруга заметно повеселела. С тех пор он регулярно «учил» её, приговаривая, что баба без мордобоя, как без пряника. Один раз он «приласкал» жену обухом, в другой – отделал поленом. Кончилось тем, что, войдя во вкус, он так отходил её дубиной, что она отдала Богу душу.

А на суде купец засвидетельствовал, что покойница жить не могла без побоев, и иностранца оправдали.

Капитан Аполинарьевич Щекочихин. «Предания русской старины» (1891)

Фата Моргана

Мимо зевающих подворотнями каменных зданий, мимо ярких витрин, в которых дают балы лакированные манекены, мимо уныло повесивших носы уличных фонарей, мимо скособоченных урн, со дна которых по утрам вместе с мусором вытряхивают схоронившийся от солнечных лучей прошлый вечер, который, свернувшись кошкой, дожидался там своего часа, чтобы снова выйти на улицы в тёмном костюме своём, не ведая, что час этот давно уже занят, что сумасбродное, словно молоденькая красавица, единственное удовольствие которой состоит в смене поклонников, время уже назначило скоротечное свидание другому обожателю из длинной-предлинной их очереди; мимо великих людей, водивших когда-то дружбу со временем, а теперь попирающих мраморными ногами гранит пьедесталов или высокомерно гарцующих на бронзовых лошадях, так и норовящих раздавить тебя задранными копытами, мимо расклеенных афиш, привлекающих неопытных обывателей – только сунься, прилепись, прочитай неосторожно: враз поплетёшься туда, куда зазывали, спрашивая себя дорогой: «И какого чёрта я туда плетусь?» – а сам ужеходишь в растворённые настежь ворота, уже подаёшь нехитрый гардероб свой усатому и строгому швейцару, который в душе непременно смеётся над тобой: «Ну что, ротозей, принесла нелёгкая?» – но виду не подаёт – служба-с! мимо румяных кренделей на вывесках, которые поедает взглядом голодный прохожий, мимо лип на бульварах и фикусов в окнах, под заунывную песню трамваев, которую прерывают лишь надрывные свистки регулировщиков, чьи жезлы мелькают в воздухе, как дирижёрская палочка, под окрики пьяных и сучную болтовню трезвых медленно тащит своё грузное тело свинцово-грязный мешок.

Видите на толстом брюхе его визитку – «50 кг»? А скрученные ворсинки, проступающие сквозь белила? Видите швы, разошедшиеся с левого боку? А прореху – с правого? Заплатку, насаженную на живую нитку? Вот же, он переминает своими угловатыми ножками, давя окурки и размазывая по асфальту плевки! Видите, как пошатывается, словно медведь после спячки? Ах, не видите! Ну да, как вам увидеть, если вы заняты чтением? Это я, случайный попутчик, вижу, как иногда выскочит кто-то из толчеи, размахивая локтями – так машет крыльями мельница, хоть и смолота уже вся мука, а она всё крутит и крутит впустую, ломая жернова, – как столкнётся он носом с мешком и опрокинет его с размаху. Ой, как больно! А из рваной дыры тогда – смотрите, смотрите! – вываливаются картофелины, которые, неловко прыгая, как объевшиеся комарами лягушки, гибнут под колёсами безжалостных машин.

Упал ничком, как оловянный солдатик, и, кажется, больше не встанет, но вот поднялся – мешок мешком! – и тарашится на изысканных дам, которым элегантные кавалеры спешат открыть дверцы дорогих авто, на важных господ, что держат под мышками руки дородных супруг или, на худой конец, газеты, свёрнутые трубочкой и мятые, как вам, верно, покажется, но непременно свежие, а не верите, так попробуйте выхватить да развернуть где-нибудь в укромном местечке, а хоть бы и на бульваре, на лавочке – тогда убедитесь; глазаеет он и на барышень, которые вызывают румянец у гимназистов и желчь у старух. Ишь, раскатал губы! И откуда ты только взялся? Сбежал, верно, из овощной лавки, где вам, мешкам, перепиливают тупым ножом верёвочные жилы безжалостные фасовщики. А может, и приказ уже грозный отдан самым главным из них: выловить праздно шатающийся мешок, привести его под мои ясные очи! – и как ни утирай ты пот со лба, как ни спеши и ни бегай, всё равно поймают тебя и приведут на расправу.

«Эй, серая материя, куда путь держишь?» Нет ответа. Лишь мешковина трётся о тротуар, да неразборчиво шепчет картошка, перекатываясь во чреве.

«Посторонись!» – гаркнул над ухом кто-то отчаянный и могучий, гордо шагающий по столпотворенью. Куда там – не уберётся, грохнулся оземь, аж искры посыпались! «И поде-

лом ему, не будет путаться!» – ухмыляется могучий. И то верно: когда мешок, каждый пнёт тебя невзначай: мол, сам виноват – замешкался! Ах, увалень, вон сколько картошки рассыпал, собрать бы, да вишь, машины проклятые – тьфу их! – уж и подавили всю.

Эх, бедолага, думаю я, сворачивая за угол, скоро ты растеряешь драгоценный свой груз и станешь ветхим мешком, который засунут в шкаф со словами: «Авось на что сгодится», а однажды, вынув, пустят по рукам, превращая в драную пыльную тряпку. Такая, видно, судьба. У всех своя дорога, и никому нет дела до мешка, одиноко бредущего мимо подворотен каменных исполинов, мимо ярких витрин с лакированными манекенами и мимо повесивших в унынии свои длинные носы уличных фонарей. Правда, недавно мне сказывали – кто это был? даст Бог памяти, обязательно вспомню, ан нет, не вспомню, ну да Бог с ним! – так вот, он мне и сказывал, будто видел мешок за городом, будто прибит он гвоздями и поднят на кресте огородным богом; намокая слезами холодного дождя, который обмывает осенние листья и бьёт вздыхающие в лужах пузыри, он колышется на ветру, пугая на грядках ворон, тоскливо летящих галок да кривую собаку, которая, задрав морду, протяжно воет совсем по-волчьи не то на свисающий с этого грустного лилового неба мешок, не то на зыбкую и обманчивую в своей печали луну.

Менелай Глаголь. «Недетские сказки» (1931)

Диалоги на кухне

– Счастье? – удивился Кончеев, шинкуя лук. – Дорогой мой, жизнь – это процесс, цель которого тщательно скрывают. Но это уж точно не наше благополучие! Нас используют втёмную, мы только фишки в чужой игре, правила которой нам не удосудились сообщить.

От лука у меня заслезились глаза.

– Мы что, вроде карточной колоды?

– Вот именно! При этом наши роли меняются при каждой сдаче. То ты валет, то – король, то – дама, и козыри постоянно меняются: сегодня это пики, завтра – черви, так что остаётся лишь гадать. Кажется, только что ты побил мелкую карту, прихлопнул её, как туз шестёрку, и вот уже она ударила тебя. А всё потому, что это тобой перебивают взятки, чтобы после поддать и тебя, перевернув рубашкой вверх. Бывает, игроки кропят колоду или выбрасывают под стол, распечатывая новую. А, бывает, засалют так, что не различишь мастей. Подай, пожалуйста, соль...

Я подвинул солонку.

– Эти игроки – дьявол и Бог?

– Все нет! Они сидят по одну сторону.

Александр Сергеевич Кончеев. «Великое неделание. (Буддизм для домохозяек)» (1965)

Первородный грех

Со времени нашествия галлов, когда гуси спасли Рим, в Вечном Городе раз в год устраивали праздник – по улицам проносили богато убранного гуся и распятую собаку, предки которой плохо сторожили Капитолий. Когда я слышу, что в моих страданиях повинны змея, яблоко и изгнанные из рая, то чувствую себя этой собакой, которая никак не может взять в толк, за что же её бьют.

Джузеппе Тьеполо. «Размышления о Св. Писании» (1647)

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Ахилл, знавший о своей смертельной участи под Троей, без колебаний отправляется к её стенам.

«Лучшие годы пропадают!» – услышал Сенека из уст гладиатора при императоре Тибериусе, который редко устраивал кровавые игры.

На вопрос телеведущего: «Вы бы приняли лишний день жизни, стоящий гибели всему миру?» девяностолетний старик всплеснул руками: «И вы ещё спрашиваете!»

Гаврила Рябоконт. «О, времена, о, нравы!» (1978)

Великое переселение народа

У одного московского писателя был друг-зануда, из тех, кто, оказавшись на небе, не заметит райских кущ. У него всё валялось из рук, бутерброд падал маслом вниз, а время, как вода, утекало меж пальцев. «Выручай, брат», – ныл он до тех пор, пока не вяли уши, и тогда его хотелось прихлопнуть первой попавшейся дверью. Терять ему было нечего, он был гол, как сокол, и, когда писатель предложил ему переселиться в свой роман, согласился. «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца», – сказал он, ныряя в сюжетный омут. Первое время он ещё терялся, но потом пообвык и стал требовать по утрам подогревать себе воду в бассейне, а на ужин готовить черепаховый суп. Он зажил припеваючи, но по привычке жаловался: «Я тут как кладбищенский сторож среди мертвецов...»

Очень скоро по Москве поползли слухи, что писатель устраивает судьбу, и к его подъезду потянулись очереди, пока он не переселил в свой роман всю Москву. Поначалу места в нём хватало всем, как в раю до изгнания. Москва обезлюдела, так что приди враги, они бы заняли её без боя. Но враги не пришли, опасаясь попасть в плен к чужеземному романисту. Для этого у них были соотечественники, строчащие пером, как швея иглой. Роман пух на глазах, грозя лопнуть, как мыльный пузырь. Заселив его, как адресную книгу, персонажи привычно толкались в троллейбусах, толпились на площадях, теснились в постелях. Они тащили в утопию свою мышиную возню, клопные матрацы, превращая её ядовитыми сплетнями в серпентарий. И постепенно виртуальная жизнь прискучила москвичам не меньше их прошлых реалий. Многие стали проситься назад, возвращаясь в свои квартиры, они опять заселили Москву.

Никита Кобылянский. «Космос или хаос?» (1930)

Тело, погружённое в жидкость

К старости Архимед так растолстел, что его едва носили ноги. Раз, приняв ванну, он спустил воду, но выбраться не смог – дряблые мышцы не держали тела. Тогда он задумался. «Эврика!» – воскликнул он через некоторое время. Потом опять набрал воду и, уменьшив вес, благополучно выбрался наружу.

Ион Валеску. «Новые прочтения» (1971)

Всё и ещё половина

– Всё приходит с опозданием, – сетовал Иннокентий Шляпонтых, – женщина – когда уже не нужна, счастье – в дом, из которого выбыл.

– Тебя послушать, – смеялись над ним, – так в семейных делах понимают одни разведённые, а в житейских – покойники!

Но Шляпонтых не чувствовал иронии.

– Вот именно, – простодушно кивал он, – когда в жизни найден смысл, незачем жить.

Целыми днями он сидел перед зеркалом, разглядывая собственные зрачки, и гадал, почему бросил семью и работу. «Ездили, кому не лень», – вспоминал он жену, считавшую его неудачником, и строгое, вечно недовольное начальство. Жизнь проходила стороной, а Шляпонтых, засыпая на стуле, в который раз убеждал себя, что жить нужно жадно. Шли месяцы, мечты так и оставались несбыточными, а он, раскачиваясь на стуле, по-прежнему сверлил глазами запылившееся зеркало.

– Дырку просмотришь! – однажды взмолилось оно. – Лучше проси, чего хочешь.

Шляпонтых пожал плечами.

– Хочу, чтобы всё изменилось.

– Всё не получится: можно изменять либо себя, либо мир.

«Изменять себя – значит изменить себе», – подумал Шляпонтых, выбирая «мир».

И всё перевернулось.

«Мудрый живёт своей мудростью, а глупый – чужой глупостью», – вертелся он перед зеркалом. Но теперь над ним не смеялись, а внимательно слушали, ведь его отражали экраны телевизоров.

И Шляпонтых лил потоки банальностей, мстя за годы молчания.

Но вскоре ему надоело глумиться над миром. И он решил его изменить.

Изменить мир значило для Шляпонтыха спасти его. Но, как все спасители, начал он с обличения. «Это ли не уродливое мироздание? – разводил он руками. – Чтобы построить новое, надо разрушить старое, чтобы стать архитектором, надо побыть бульдозеристом!» Шляпонтых был убедителен, как молоток, и изворотлив, как уж. Но всё шло своим чередом, привычная инерция была сильнее его слов. «Чтобы пройти всё, нужно пройти половину, – подготавливал Шляпонтых. – Нельзя понять, что такое чёрное, не видя белого».

И опять никто не трогался.

«Вам всё равно, куда вас ведут, – разочаровано махнул Иннокентий. – Вам безразлично, какой поклоняться иконе, и нет разницы, чью картину повесить – Рембранта или Шляпонтыха».

В зеркале, как во сне, умещался весь мир. Шляпонтых видел утопающие в смоге города, сожжённые войной деревни, видел миллионы глаз, прикованных к экранам, видел силу сильных и немощь слабых, видел супругов, у которых были общие дети, но разные кошельки, видел ложь, предательство, измену, видел себя, сидящего перед зеркалом, эпидемии, голод, багровую, как кровь, луну, видел горящие ненавистью глаза убийцы и другие глаза – тигра, раздирающего оленя. «Распятие на Голгофе, – думал Шляпонтых, – это извинение. Создателю сделалось стыдно за причинённые Им страдания, и Он пришёл их разделить».

А теперь мир принадлежал Богу-Шляпонтыху, и он начал кроить его на свой манер. Будто следы на песке, в его Вселенной исчезали империи и тирании, в ней прекращались войны, гибли дряхлые, изверившиеся цивилизации вместе с их кумирами, богами, представлениями о счастье, крикливыми апологетами и беспощадными критиками, на их месте расцветали новые цивилизации, в которых, однако, всё повторялось, будто в калейдоскопе. Первый век Потребления сменялся вторым веком Распятия, снующие всюду автомобили – экипажами с лошадьми,

а те – парящими над головой звездолётами, бойких девушек в джинсах сменяли дамы под вуалью, но мировое древо по-прежнему поливалось слезами. Тогда Шляпонтых предоставил миру абсолютную свободу. Но и на этом пути не заслужил любви.

– Говорят, Создатель – наш отец, а, похоже, Он – отчим, – роптали недовольные. – Почему Всемогущий не даровал нам счастья?

– На то и свобода воли, – возражали им.

– А если воля в том, чтобы отказаться от свободы? – настаивали первые. – Нужна не свобода – нужно счастье!

Глаза, которыми мы смотрим на Бога, это те же глаза, которыми Бог смотрит на нас. И Шляпонтых со скукой слушал эти пустые споры о себе. «Мир – это пустой экран, на котором показывают дурное кино», – подумал он.

И ограничился тем, что переделал мир под себя.

В этом новом удобном мире его желания мгновенно исполнялись. Он имел деньги, власть, и, если раньше женщины обходили его за версту, то теперь от них не было отбоя.

– Мы эгоисты, – разглядывал он очередную избранницу, – вот ты сейчас задумываешься о том, кто рядом с тобой?

– А ты? – возвращали ему вопрос. – Ты думаешь о том, кто рядом с тобой?

– Нет, – эхом откликался Шляпонтых, – я думаю о том, кто рядом с тобой.

Однако его желания быстро иссякали, а осуществившиеся не приносили радости. И Шляпонтых, уже раскаиваясь в своем выборе, снова уселся перед зеркалом.

«Всё не существует без половины, – скривилось оно, – а половина – безо всего». «Весь мир – в голове, – по-своему перевёл его слова Шляпонтых, – изменить мир, значит, изменить себя». Теперь он всё больше понимал Бога, разделившего причинённые Им страдания, и думал, что единственная возможность для человека встать над собой – это повторить Его жертву. Только Шляпонтых решил пойти дальше – не ограничить мучения одним днем, а растянуть их на всю оставшуюся жизнь.

«На земле все искупители», – ударом кулака разбил он зеркало.

И медленно слизнул сочившуюся кровь.

Шляпонтых вернулся на работу, протирает штаны и считает дни до зарплаты. А его жена, с которой он снова сошёлся, потихоньку вздыхает: «Эх, Шляпонтых, Шляпонтых, все кругом гомо сапиенс, а ты – гомо шляпиенс...»

Янис Кубрайтис. «Красная зелень цвета морской волны» (2002)

О пользе книг

Прочитав Платона, критяне, следуя его наставлениям по устройству государства, поставили во главе своего города мужей учёных, известных своими трудами далеко за пределами острова, и они очень быстро довели страну до крайности, ибо между тем, как есть, и тем, как должно быть, всегда выбирали последнее. Кончилось тем, что возмущённые и отчаявшиеся граждане сместили их и, посадив на корабль, отправили на родину Платона, чтобы они там проводили свои опасные опыты, а учёные, отплывая из гавани, громко поносили глупость соотечественников.

Псевдо – Плутарх. «Греческие древности» (VI в.)

Бессонница

Вечером я лёг пораньше. Но сон не шёл. Я ворочался с боку на бок. Запутывался в простынях. Я закурил. Почитал скучную книгу. Снова погасил свет. Но заснуть не мог. Пересчитал всех баранов. В час ночи встал. Разбудил жену. Она посоветовала прогуляться, потом съесть мёда с тёплой водой. Я так и сделал, но уснуть всё равно не мог. Снова встал. На этот раз – к врачу. Тот без лишних слов дал сильнодействующее лекарство. Я проглотил на ходу, но опять не мог уснуть. Под утро я начал сходить с ума, думал о самоубийстве.

И тут проснулся.

Ласло Чер. «На шпагате» (1939)

Двойное дно

Свою подоплёку имеет и притча о Соломоне, двух женщинах и младенце. Как известно, на предложение разрубить младенца надвое и отдать им, оспаривающим материнство, по половине, одна крикнула: «Руби!», другая: «Пусть достанется ей!», и Соломон отдал дитя второй.

Однако вопрос глубже, чем кажется.

Существует галахическое правило (Yibbum), согласно которому бездетная женщина, овдовев, при живом девере (брате мужа) вторично может выйти замуж только за него, либо получить от него «отпущение» (Chalitzah). Если же у неё остался ребёнок, закон утрачивает силу.

Сказано, что пришедшие к Соломону женщины жили в одном доме, и, стало быть, вполне могли приходиться друг другу свекровью и невесткой. У свекрови не было мотивов убивать ребёнка – если даже он будет признан сыном невестки, то придётся ей внуком, что освобождает от действия Yibbum (внук в этом правиле приравнивался к сыну). Другое положение у невестки. Если ребёнка присудят свекрови, то он окажется ей деверем, и «отпустить» её (или жениться на ней) сможет только в тринадцать лет. Значит, следующие тринадцать лет ей придётся провести в одиночестве! Соломон сообразил, что у одной женщины есть причина лгать, а у другой нет. Он сообразил и большее – если ребёнка присудить невестке, то в глубине она будет знать, что нарушила Yibbum, а если дитя убить, вопрос деверя отпадёт, к тому же ей не придётся воспитывать чужого ребёнка. Разоблачая её, Соломон одновременно пошёл ей навстречу, но, когда она крикнула: «Руби!», поразившись её жестокости, изменил решение.

Соблюдая закон или в наказание он отдал младенца свекрови?

Александр Шапиро. «Мировая история на иврите» (1888)

Мужское воспитание

Сразу после войны женский коллектив нашего детского дома разбавил К., боевой офицер, разведчик. Говорили, что по части дисциплины он зверь. Была зима, нам предстояла экскурсия на замёрзший военный завод, и мы, мальчишки, «для согреву» разжились бутылкой вина. В классе долго решали, кто пронесёт её на завод: дело-то рискованное. И тут незаметно вошел К. Мы замерли. А он указывает на бутылку: «Если вас поймают, боюсь, воспитательницы этого не поймут. Доверьте мне, я в конспирации собаку съел».

Валериан Тараруй. «Легенды педагогики» (1958)

Альтернатива

В «Смутном времени Московского государства» историк Костомаров пишет о тёмном, невежественном народе начала XVII века, забитом, замордованном «лучшими» людьми. Очевидно, он сравнивает его с народом своего времени. Однако спустя столетие мы хорошо представляем крестьянский мир в эпоху Костомарова – крепостничество, барщина, оброк. Значит, либо прогресс нравственный, общественный всё же есть, либо историки тянут одну и ту же песнь, считая свой век вершиной человеческой цивилизованности.

Алевтина Брюховецкая-Вовк. «Суждения об истории» (1961)

Другой, тот же самый

Утром предстояло защищать диссертацию, защищать годы, искалеченные архивной пылью, библиотеками, кафедральной грызнёй и бессонницей.

Кабинет уже наполнил вечер, повесив за окном ущербную луну.

В детстве он мечтал стать знаменитым, как сгинувший на войне дед, знавший мировую историю лучше, чем свою. Так что завтра придётся защищать и фамильную честь.

От вспыхнувшей лампы гулливерами метнулись тени. Он зажмурился и подумал, что его собственная история бедна событиями, безразличной к сегодня, он замурован во вчера. Он носит чистое платье только потому, что избавлен от грязи. И дед, видно, втайне мечтал жить всерьёз, раз ушёл добровольцем. Судьба стучит в дверь каждого, но кто откликается на зов?

Взяв с полки книгу, он пробовал читать. И опять думал, что культура не столько учит, сколько насилует. Книга захлопнулась. «Дело случая, – теребил он рыжую бороду, – кем бы я был, сложись всё иначе?» С трудом выбравшись из кресла, он принял снотворное.

Уже раздевшись, вспомнил, что завтра ему понадобятся наличные. «Сниму утром», – отмахнулся он и, мелькнув в зеркале, подумал, что изнутри себя невозможно увидеть.

Стемнело. Уныло моросил дождь. На ступеньках он ленивой собакой сворачивался в лужи. Пустеющий зал банка заливал фиолетовый свет. «Точно в мертвецкой», – мелькнуло у него. Девушка в окошке с надписью «КАССА» пересчитывала банкноты, и пара «С» конвоировала ползущую по стеклу муху. Сбоку в кресле чьи-то короткие пальцы развернули газету. Он, точно сомнамбула, подошёл к окну – муха, жужжа, взлетела – но вместо бланка выдернул у девушки мятые купюры. И тут же всё смешалось: изумлённое лицо кассирши, рывок человека из-за газеты, холод кафельного пола, надрывный вой сирены. А потом были наручники, обжигавший лицо дождь и тряска милицейского «козла».

Им овладело странное безразличие, которое выветрилось только в участке, куда его толкнули, разомкнув сталь на руках:

«Ограбление банка, капитан!»

На стенах лупилась жёлтая краска, мерно жужжал пропеллер. Толстый капитан раскачивался на стуле, скрестив пальцы на животе. «Документики», – потребовал он неожиданным фальцетом. Тот, кому инкриминировали разбой, собрался было ответить, что, спускаясь под дом, паспорта не берут, но тут стриженный ёжиком крепыш, которого он поначалу не заметил, ухмыльнулся, обнажая острые зубы: «Э, да это Савелий Глов!»

Он оторопел. На миг ему почудилось, что он спит, накрывшись с головой душным одеялом.

Капитан, распорядившись снять отпечатки, пересказал досье Глова:

«Савелий Глов, клички: Левша и Рыжий, – отметил свои десять лет кражей, пятнадцать – грабежом, двадцать – убийством. Он стал кумиром своего квартала после пьяной драки. Заносчивый чужак вынул нож, Глов разбил „розочкой“ бутылку. Их обступили кольцом, а расступились, когда чужак уже захлебнулся в крови. А потом булыжные мостовые сменил лесоповал, костюмы с иголки – серый ватник. После освобождения – опять грабежи, разбои, недолгое скитание по „малинам“ и – новый срок. Лагеря, жестокие разборки и законы блатных сопровождали его вместе с клеймом „особо опасного“. И наконец, убийство конвойного, побег в тайгу и смертный приговор заочно».

Тот, кому предлагали роль вора в законе, расхохотался: «Дело шьёшь, гражданин начальник!» Книгочей, сносно владеющий феней, он подумал, что поколения зэков оттачивали блатной жаргон так же старательно, как и заточки.

«Отпечатки совпали, – доложили капитану, – это Глов». Он открыл рот, но слова не наполнялись звуком.

Капитан, не размыкая пальцев на животе, кивнул на стриженного ёжиком иуду и приказал увести обоих.

В камере навалилась тьма, заломило виски. Он медленно сполз по стене. Разрозненные фрагменты собирались в мозаику: дурные предчувствия, диссертация, банк, его ошибка, зловещий силуэт Глова. За решёткой тускло мерцала лампочка. Он глядел на неё и думал, что сиаемским близнецам – сидящему сейчас в камере и тому, кому завтра предстоит защита – никогда не встретиться, что время в их внутренних мирах течёт в разные стороны. Или тот, другой, ненастоящий? Или он лишь пригрезился? Тогда он стал молить Бога, чтобы Он разрубил близнецов. И Бог внял его мольбам.

«Извиняй, кореш, что заложил, – прошептали рядом, – всё равно бы раскололи».

Крепыш провёл пятернёй по голове, собираясь с духом.

– Нам обоим вышак ломится, а легавых – раз два и обчёлся... Соображаешь?

«Яснее ясного: вместо диссертации придётся защищать жизнь», – подумалось ему.

– Вот перо – протянул крепыш. – Иди, покличь их, Левша.

Савелий Глов, помедлив, взял нож и, оскалившись, сделал в темноте шаг навстречу Судьбе.

Дмитрий Широкоград. «Автопортрет в натюрморте» (1982)

Все там будем

* * *

Жил некогда в Московии человек, отражавший собеседника, как зеркало. С бойкими был боек, с заиками заикался, с косноязычными и двух слов не мог связать. Самого его не существовало, он рождался лишь в разговоре, как тень рождается от вещи. И как солнце, уничтожающее в зените тень, его убивало молчание. Возраст невероятно развил его талант: имитируя слова и жесты, он научился схватывать внутренний образ человека, как фотография ловит внешний. С глухими он был глух, с немыми – нем, с торговцем побрякушками становился торговцем побрякушками. «Каждому в удовольствие послушать себя», – оправдывался он, впитывая собеседника, как губка. Он мгновенно переваривал и выдавал портрет, в котором штрихами учитывались все присказки, паузы, междометья, интонации, его метаморфозы были столь же поразительны, сколь и чудовищны. Его дар перевоплощаться открылся рано, когда у отличавшихся занудством учителей он делался тугодумом, а у быстро мыслящих схватывал на лету. Как-то раз учитель заболел, и он с успехом заменил его, а вскоре – и весь школьный коллектив. Он переходил из класса в класс и становился то Петром Ивановичем, географом, то Иваном Петровичем, историком, он был гением лицедейства, и все актёры казались перед ним ряжеными. Когда он заболел, то привычно стал своим лечащим врачом, когда умирал – причащавшим его священником, так что со стороны казалось, будто он исповедовал себя сам. И все мучительно гадали, кем он станет на Страшном Суде. Ведь если он попадет в ад, будет второй сатана, а если в рай, то опровергнет единобожие. Этот вопрос наделал много шума, и церковники, в конце концов, решили, что он избежит судилища: прожив никем, разменяв свою жизнь на десятки чужих, он растворился в них водой в воде. А значит, судить его, что бумагу, терпеливо несущую каракули. «Его грехи – это пятна от солевых пальцев, – говорили священники, – его раскаянье – это молитва о прощении чужих пороков».

Но Синод ошибся. Этот человек всё же предстал перед Судом. Чтобы не сделаться участниками комедии, его судили заочно, и в наказание за пренебрежение свободой воли он получил место младшего писаря небесной канцелярии, где исполняет всю черновую работу: ведёт протоколы, подчищает кляксы и повторяет за архангелом приговор.

В подражание небесной братии у него выросли крылья.

* * *

Для Агасфера время текло двумя рукавами, и любую ситуацию он переживал дважды: мог один раз сказать «да», а в другой «нет», мог жениться, оставаясь холостым, и напиться, не беря в рот спиртного. За ним хвостами тянулись два прошлых, которые он постоянно путал, хотя и говорил при этом, что прошлое, как нога: отрежешь – упадёшь. Он прилаживался к нашему времени то одним рукавом, то другим, сопрягая события по вкусу. Ставя один раз на красное, а в другой на чёрное, он всегда выигрывал.

В его памяти любой факт двоился, выступая в паре со своим отрицанием, поэтому в ней ничего не держалось. Для него также не существовало правды и лжи: то, что в одном времени было правдой, в другом оказывалось ложью.

Вечный Жид всегда мог исчезнуть, перебежав, точно крот в соседнюю нору, на запасную колею времени. Так, если смерть поджидала его на перекрёстке, он благополучно огибал его, имея под рукой два русла времени, оставался бессмертным.

А когда настал конец времён, и на Страшном Суде спросили, что он думает о своей праведности, он ответил: «Правду водят на коротком поводке, и она лает по приказу хозяина».

Его приговорили набивать себе шишки, спотыкаясь на ухабах несовершенных ошибок и умирать всеми смертями, которых он избежал.

* * *

Одного сутягу спросили, зачем он проводит жизнь в залах для заседаний, разглядывая скучные лица присяжных? Скривившись, он задрал вверх палец: «Практикуюсь перед Последним Судом!»

Гаврила Христофорович Архангельский. «Семь нот трубного гласа» (1899)

От противного

Я не родился Пушкиным, женщиной, французом. Я не открыл Америки, не изобрёл велосипеда, не посадил дерева, не учился в иезуитской школе, не плавал вокруг света, не стрелял в голубей.

Я не гомосексуалист, но мне не везло с женщинами. Я не атеист, но не верю в Бога.

Я не говорю по-испански, по-японски, по-ирокезски и на северном диалекте фарси. Я не был в Китае, в России дальше Урала, в Африке ниже экватора, не жил в монастыре, горном ауле и американском Санкт-Петербурге.

От сумы и тюрьмы я не зарекался. Не лез из кожи и не рвался во власть, не отдавал честь и не тянулся во фронт, не мыл золото, не валил лес и не служил на побегушках. Я не погиб под Севастополем, Бородином, Полтавой, не сложил голову в революцию и гражданскую войну, не сражался за правое дело, не отдавал силы левому. Меня не повесили, не расстреляли, не сослали на каторгу. Я нигде не состоял и ни в чём не участвовал.

Я не молод, не стар и не бессмертен.

И живу, не зная зачем.

Данила Хмари. «Антибиография» (1936)

Пятая заповедь

После того, как свела мужа в гроб, она лишила меня законных метров. С тех пор я мыкаюсь по углам, а она живёт, как крыса в норе, в огромной полутёмной квартире. Чтобы иметь крышу над головой, мне пришлось рано жениться. Но она преследовала меня и в образе жены. В их отношениях, которые походили на бой с тенью или перебранку с зеркалом, мне отводилась роль буфера. Вытерпев полжизни, я развёлся. Теперь она рада видеть меня в гостях, чтобы с порога присосаться пиявкой. У неё мёртвая хватка, и я часами выслушиваю, что последние тридцать лет на свете нет человека больнее её. «Всё тебе достанется», – выговорившись, выпроваживает она меня. Подсластив пилюлю, она хлопает дверью, а я ещё долго стою на лестнице, слушая её любимый сериал. Между тем, я размениваю пятый десяток. «Ты разрываешь мне сердце, – вздыхает она по телефону, когда я попадаю в больницу. – А оно у меня слабое...» А потом, сравнивая с моими, долго перечисляет болезни, словно послужной список. Уверен, что на моих похоронах её не будет – врачи запретили ей нервничать.

Я знаю, убей я её, Господь простит мне все грехи. «Ты избавил мир от крысы», – скажет Он, сажая меня одесную. Но в Бога я не верю. К тому же – трус. Ночами в детстве я представлял, как душу её подушкой, а она, прокусывая её, как крыса, вцепляется мне в руку. А очнувшись от этих мыслей, я слышал за стенкой ровный храп.

К тому же, она крупнее – мне не справиться.

Множество раз я пытался объясниться – легче с шайкой убийц. Зато теперь моя жизнь наполнилась смыслом, в ней появилась цель – пережить её! Это трудная задача – в Москве женщины стареют рано, зато живут долго.

И каждую ночь я вижу сон. Плащ, топор – всё в крови! Какое блаженство! Жаль, оно будет недолгим, я уже вызвал милицию. И тут, – о, ужас! – я понимаю, что она продолжает жить – во мне!

Интересно, учтёт ли суд, что я – сын сумасшедшей?

Касим Громкий. «Мама, милая мама!» (1980)

Много шума из-за любви

Одна увядающая женщина-режиссёр включила раз телевизор и влюбилась в исполнителя эпизодической роли в третьесортном сериале. Он был намного моложе, и она долго думала: чем его привлечь? От покойного мужа ей достались роскошные апартаменты, где она держала с десяток комнатных собачек. Заложив квартиру, женщина объявила, что готовит новый фильм. Она уже давно не снимала, и ей пришлось сорить деньгами, чтобы привлечь внимание коллег. На студиях пошёл звон, стервятниками слетелись безработные «киношники». Вскоре дело завертелось, утвердили сценарий, набрали съёмочную группу. Все претендовали на главную мужскую роль. Но женщина села на самолёт и, разыскав избранника, который был из другого города, предложила роль ему.

У актёра уже несколько дней было пусто в желудке, но он, боясь продешевить, заломил цену. Подгоняя события, он выдумал предстоящие гастроли и предложил заключить «быстрый» контракт, сведя к минимуму время съёмок. Денег для такого гонорара у женщины не было. А торговаться – значило всё испортить. И она пустила в ход свои чары. Они не подействовали. Мужчина остался непреклонен, решив не смешивать эмоции с работой. А возможно, он так ничего и не понял. И женщина вернулась ни с чем. Однако вспыхнувшая у неё страсть так же неожиданно угасла. Чего не скажешь о страстях вокруг, они разгорелись нешуточные. Когда она объявила, что проект закрыт, на неё подали иск, требуя денег за начатую работу. В результате все остались с носом. Женщина до сих пор выплачивает проценты по закладной, актёр смотрит, как другие разъезжают по гастролям, труппа таскается по судам, выколачивая деньги. И только собачки, не подозревавшие о грозящей им участи, не стали бездомными.

Ульяна Берендюк. «Звёзды падают» (2010)

Улыбки Резак-бея

Ночами в горах шёл дождь, и аул окутывал сизый туман. В саклю хмуро плыл рассвет, и маленький Резак просыпался угрюмым, уткнувшись в колыбель. Его губы были плотно сомкнуты, как ворота во дворе, когда по улице скакали чужие всадники, а вокруг свистели пули. Он сосредоточенно смотрел, как мать взбивает тесто, скатывая хлеб в пахучий мякиш, смотрел так пристально, что видел себя его частью, а потом отворачивался в угол, где было слюдяное окно. Но постепенно тусклый свет делался ярче, тучи расходились, поползло солнце, и вместе с ним на лице Резака играла утренняя улыбка.

Как и все горцы, Резак вырос пастухом, став попутно конокрадом и разбойником. Его бурку узнавали издали, его ружьё не ведало промаха. Он грабил караваны, совершал набеги и от таких же, собравшихся в узком ущелье сорвиголов, получил титул бея. Но путь отчаянных короток, и однажды Резак-бей попал к врагу. Пленные ютились на клочке ненавистной равнины, отгороженные частоколом с торчащими головами товарищей, а крышей им служили звёзды. Раз пьяный охранник вошёл с перекошенным лицом к пленным и стал резать их, как баранов, огромным кухонным ножом. «Как верёвочке не виться, а кончик будет», – приговаривал он сквозь стиснутые зубы, разваливая горла от уха до уха. Пленные лежали вповалку и, забыв былую дерзость, скулили, пока не замолкали. Когда подошла очередь Резак-бея, он встал в полный рост, встречая смерть улыбкой, которая повисла в уголках губ, точно платье на вешалке.

И смерть не посмела перешагнуть через его дневную улыбку.

А через много лет отец бесчисленного семейства Резак-бей умирал. Его лицо стало морщинистым, как изрезанный лиманами морской берег, оно хранило отпечатки всех болезней, всех грехов и всех искушений. Оно было таким же угрюмым, как в детстве, когда шёл дождь. «Я страдаю бессонницей, – говорил он толпившимся у постели нукерам, – никак не могу умереть...» И скупая слеза смывала на его лице соль, оставленную слезой предыдущей.

Но небо упрямо не принимало его. Перечисляя в молитвах свои разбойные подвиги, Резак-бей мучился до тех пор, пока не вспомнил всех погубленных, пока не претерпел их страдания и не умер их смертями. А когда сомкнул глаза, на его лице проступила вечерняя улыбка, приплаканная им в своём покаянном сне.

Шамиль Бабахан-оглы. «Кавказские саги» (1902)

Истина – в словах!

- Как думаешь, где мы будем после смерти?
- Полагаю там же, где и после жизни.

Роман Чумарь. «Тайны гламура» (2002)

Другое кино

– Как в дурном сериале, – махнул рукой молодежавый мужчина за столиком. – Работа монотонная, скучная, тянется изо дня в день. Неужели я родился для того, чтобы продавать одежду? Стоило ли учить про Цезаря и всемирное тяготение, чтобы стоять за прилавком? Зачем было столько чувствовать, постигать? Ради этой глупой роли? Согласитесь, чудовищно...

Он уставился на скатерть.

Сосед разминал пальцами сигарету.

– Как посмотреть, – чиркнул он спичкой. – После школы меня призвали, и в армии я охранял эков под Красноярском. Красноярск не Краснодар, зимой – минус тридцать, валенки, полушубки, ушанки опущены. Раз грузили мы заключённых в два «автозака» – фургоны с брезентовым верхом. Их должно было быть три, но один застрял по дороге. Блатные забрались, остались так называемые «опущенные» – им по воровским законам полагается отдельная карета, сидеть с ними рядом «западло». Что делать? Холод собачий, начальство кричит. Ну, стали их овчарками подтравливать, прикладами в машины загонять. А их оттуда выбрасывают, бьют ногами в лицо. Я в оцеплении стою, точно в фильм о фашистском концлагере попал – лай, матерщина, кровь на снегу. Мне девятнадцать, ещё вчера про «милость к падшим» учил. Едва не разрыдался. И что хуже, чуть стрелять не начал. Уже «калаш» с плеча сдёрнул, да старшина доглядел: «Ты чего, парень? Из-за кого стараешься?» А тут, слава богу, кое-как затолкали эков, поехали... Но сцена эта потом долгие годы снилась, вот вам и сериал.

Алексей Ситников. «В ресторане» (1995)

Казус

В одной местности жили два рыцаря: Жак Лаполье и Жан Палопье. Похожих, как капли, их вечно путали. Да они и сами часто не могли разобраться, кто из них кто. «Не Лаполье ли на меня смотрит?» – гадал перед зеркалом Палопье. «Не Палопье ли спит с моей женой?» – ворочался в постели Лаполье. Женились они в один день, в одной церкви, но после свадьбы жёны их всё время путали, так что завели общих детей.

Лаполье был праведник, Палопье – грешник. Но кто закончил дни на эшафоте, а кто в монастыре, осталось тайной. На том свете одному присудили рай, другому – ад. «Это не я!» – завопил тот, которого тащили черти. «Он, он!» – закричал другой, которого вели ангелы. Их поменяли местами. «Это ошибка!» – опять возмутился окружённый чертями. «В небесной канцелярии?» – возразил ему сокрытый ангельским крылом.

Кончилось тем, что обоих отправили в чистилище.

Юсташ де Мариньи. «Баллады провансальского трубадура» (1234)

Вселенные из рукава

В одной из моих вселенных, Копронии, всё вращалось вокруг дерьма, а золотари были в таком же почёте, как у нас банкиры. Фекалии хранились у копронийцев замороженными и распиленными на кирпичики, будто золото. Своё дерьмо ценилось дороже чужого, а человеческое не шло ни в какое сравнение с коровьим или птичьим. Это служило причиной подтасовок, навоз и помёт лидировали среди подделок, заполонив рынки, а махинации с дерьмом приобрели такие размеры, что образовался целый класс экспертов, устанавливающих его принадлежность. Они никогда не оставались без работы, как наши юристы.

«Дерьмо» в копронийском языке приобрело все радужные оттенки. «Какой у вас стул?» – означало «Как здоровье?»; «Какого цвета кал у детишек?» – было проявлением вежливости, а «Запоры до конца дней!» – страшным проклятием. «Говнюк!» – восхищались копронийцы, «Лёгких вам испражнений!» – желали они на именинах. Туалеты служили копронийцам храмами, они превосходили размерами дома, поражая роскошью. Золочёные унитаза, устроенные так, чтобы не пропала ни одна драгоценная капля, просторные кабины, в которых можно было проводить целые дни. Страшным недугом считался геморрой, больных им презирали мужчины, от них отворачивались женщины. «Хуже, чем оводов рой», – было у копронийцев эвфемизмом «геморроя», назвать вслух который боялись. Дерьмом копронийцы «подмазывали» вороватых чиновников, дерьмом награждали за заслуги и воевали тоже из-за дерьма. Но они не были копрофагами, просто в душе они так и остались детьми, ибо первое, чем мы обладаем, – это собственные экскременты.

Вселенная, как женщина, – у каждой свой аромат.

В другом моём детище, Слепонии, упразднили знания. «Наш бог – неведение!» – стало там заповедью, предписывавшей во всём уповать на создателя. «Ему виднее!» – уверяли её обитатели, не зная толком, кому они поклоняются. Но я не успевал за всем уследить – едва отворачивался, как слепонийцы попадали в беду. «У меня только два глаза, и на затылке их нет!» – оправдывался я. Но им было наплевать. Их бесконечные жалобы грозили свести с ума! И, в конце концов, устроив всё по земным канонам, я пустил дело на самотёк, а сам устранился.

Микола Желтопряд. «Если бы Богом был я...» (1988)

Любовь

Он был женат, когда встретил её – как лань, гордую, с миндалевидными глазами. Он был привязан к жене и раздирался, как паром между речными берегами, метался, как ветвь чинары на ветру, когда бьёт в крышу сакли.

– О, дервиш! Я стораю, как засушливая степь, как искра над костром дымчатым, как снежные горы, объятые солнцем! Кровь переполняет мои жилы, но кровь не знает, куда бежать! Что делать? Уходить? Убить её? Умереть? Во имя Аллаха, скажи, о, мудрейший! О-о-о!!!

И я сказал:

– Уходи! Чувство – не пёс сторожевой, страсть – барс клыкастый, с вздыбленной лунной шерстью – на цепи не удержать!

– А грех? Грех же, о, дервиш!

– Грех? Грех – обратная сторона любого поступка. Как тёмную сторону у луны, кто увидит?

И послушался он, и опять был женат, когда встретил её – ясноокою, трепещущую, с лебединой шеей.

– О, дервиш! Её руки, как облака молочные, и я делаюсь, как луна, когда обнимают они – пьяным, дрожащим, беспомощным... Её губы – кумыс дурманящий, голос – масло кунжутное, а речь – песни ангельские! Сердце моё, как небо, вспоротое молнией! Как быть? Вырвать из груди сердце? Разъять, разрезать, разделить себя кинжалом остро отточенным? Уходить? Остаться? О, помоги, воплощение мудрости! О-о-о...

И я сказал:

– Уходи! Чувство – не арык на поле хлопковом, не пересохнет летом засушливым, жарким, выжженным! Страсть – река горная, пенная, бурная, как её остановишь? Сделаешь запруду – прорвёт, плотину выстроишь – уничтожит, разобьёт, разметав камни булыжные!

– А долг? Клятвы? Обещал же я, о, дервиш!

– Обеты ветхие – что посудина в море бушующем, не эта волна перевернёт, так следующая.

И послушался он, и в третий раз был женат, когда встретил её – лёгкую, как ветерок на лугу весеннем, с голосом, как родник горный, и волосами, как ночь.

– О, дервиш, дервиш! Нет мне места среди людей! Цветы полевые не милы мне! Птицы небесные не милы мне! Звери лесные не страшны мне! Меня поразили стрелы огненные, и умираю я, как стяг, врагами разодранный, как лепёшка разделённая, разломанная! Волосы, волосы, умытые кислым молоком, смоляные, струящиеся, не дают покоя! Манят, манят, как хмель! Опять уходить? Нет? Нет! Закрой мне глаза перстами морщинистыми, потому что я уже умер! Ибо жизнь без любви – полжизни, треть жизни, миг один! Она, что кобылица без кумыса, что трава порывшая, примятая, сорная. Будто после кибитки вольной, резвой, скачущей, отобедал в чайхане, и остались на столе крошки да пятна мутные в кувшине опорожнённом! О!..О!..О!..

И тронул я ему веки.

И пробудился он – точно халат сбросил.

И увидел на ложе свою жену – с миндалевидными глазами, шеей лебединой и волосами, как ночь.

И подумал: ай, сон, сон! Жужжит, как пчела в день полуденный, а мёд собирает в сотах далёких, неведомых.

И рад был несказанно, и любил жену свою столько раз, сколько во сне являлась.

Тимур-Зульфикар. «Золотые притчи дервиша» (1410)

Что время, что пространство

Один человек вышел из родного селения. Он шёл уверенной поступью, его провожали знакомые, желавшие доброго пути. Он отвечал шутками и всюду встречал улыбки. Вслед ему махали платками, о которых он быстро забывал за разговорами с попутчиками. Просыпаясь, он видел рядом с собой счастливых женщин, а перед сном любовался новым пейзажем и солнцем, плывущим за далёкие горизонты. Но постепенно места делались глуше, стол и кров попадались не на каждом шагу, и редко встречались те, кто понимал его речь. А дорога уводила всё дальше. Он уже и сам не знал, зачем ступил на неё, но продолжал стаптывать сандалии, упрямо идя вперёд, точно его подталкивали в спину невидимые ладони. Редкий путник теперь кивал в ответ, а чаще – разводил руками, выслушивая жалобы, которых не понимал. И человеку всё стало чуждо: и горизонты, и странники, и слова. Он подумал, что где-то ошибся поворотом, выбрав не тот путь. Наконец, его окружила пустыня. Он плакал от одиночества, разговаривая с собой на забытом языке, и воспоминания становились старше его самого. Он вспоминал родное селение, отцов, покинувших свои дома, чтобы стать гостями в чужих, видел дедов, говоривших на одном им понятном языке, ушедших в пустыню и оказавшихся один на один с её великим безмолвием. Человек попытался объяснить себе цель путешествия, уверяя себя в его необходимости, слушал слова, от которых давно отвык, и уже не понимал себя.

Ему стало невыносимо. Он протёр кулаком глаза, оглянулся и вдруг увидел, что никуда не выходил, что всё время прожил в родном селении, в котором уже не осталось тех, с кем можно услышать одинаковую тишину.

Человек состарился: теперь кусок хлеба в чужом рту казался ему лёгким, а собственная шляпа – тяжёлой...

Ермолай Нибальсин. «Притча притчей» (1890)

Дело в подходе

Два профессора с философского факультета едут в поезде.

- Христос первый подошёл к религии диалектически.
- А Гегель первый диалектически подошел к христианству.
- А, знаете, мой студент Миша диалектически подошёл к Гегелю.
- Знаю. А вы в курсе, что моя студентка Маша подошла к Мише?
- Он подошёл ей как муж?
- Да, но смотрите, поезд уже подошёл к станции.
- Отлично! Подошло время обеда...

И разговор подошёл к концу.

Лев и Nicoлетта Шестяевы. «Фольклор московского университета» (1912)

Легенда об отверженном апостоле

Раз появился в Мещеру проповедник. Он был сыном деревенского башмачника, и многие помнили его ребёнком. В церковно-приходской школе он слыл смышлёным. «Цитировать – значит корчевать пни, не рубя леса», – как-то заметил он. А после исчез. «Проматывать деньги покойного батюшки», – судачили злые языки. И вот он вновь объявился, помыкавшись по свету, нахватавшись потасканных истин. С воспалёнными от бессонницы глазницами он бродил по городу, стучал посохом в дома, уверяя, что проникает в души их владельцев всевидящим оком. «Спасителя распяли на кресте времени, – озадачивал он обывателей. – И Он попрад его!» «Да-да, – учил он, – символ креста – это перекладина, перечёркивающая столб времени». Но мещерцы не опускались до полемики, крутя пальцем у виска. «Мир висит на нитке, а думает о прибытке!» – опрокидывая мясные лавки и расталкивая покупателей, пугал он баб на базаре. Но те лишь зевали, едва не сворачивая скулы, да крестили перекошенные рты. Власти терпели безобразные выходки, не желая связываться. «Едва от одного избавились, а тут...» – шептались по углам, вспоминая пророка из скита. Тот сидел в яме и каркал на весь свет, что не выходит наружу из страха ослепить мещерцев своим божественным ликом. «Вы увидите в нём, как в зеркале, свои грехи, которые застыт глаза!» – грозил он, требуя женщин и вина. Его слушали, как раскаты грома, которые грохочут вдалеке. «Ваши мерзкие глаза не в силах увидеть моего дивного сияния!» – истошно вопил старец, когда его за уши вытаскивали из ямы. В разоблачённом мошеннике все узнали скотника с конюшен местного помещика. Тот по жалости заступился за старика, сунул кому надо, и дело замаяли. И вот теперь ни полицмейстер, ни городской голова не хотели опять сесть в лужу.

А в это же самое время в Мещере объявился и антихрист.

– Людвиг Циммерманович Фер, – представился он хозяину гостиницы, заняв скромные апартаменты купцов средней руки.

– Вы что же, из немцев? – спросил его тот, недоверчиво косясь на раздвоенный, как копыто, подбородок.

– Из немцев, из немцев, – рассеянно кивнул падший ангел, доставая из нагрудного кармана визитку. – Из поволжских...

На клочке бумаги чёрным по белому значилось: «Лю. Ци. Фер». Сатана, надув щёки, ходил по городу, как по музею, ко всему присматривался, но ничего не трогал. «Будущее зыбко, прошлое размыто, – бормотал он, подавая на паперти пустой кошелёк, в котором вдруг оказывалось куриное яйцо. – Один затевает игру, где оказывается пешкой, другой ставит спектакль в театре теней». Когда один нищий, безногий и горбатый, попытался разбить яйцо, оттуда внезапно вылупилась карлица с огромным, перевешивающим тело бюстом и стала похотливо тарашиться. «Встань и иди!» – проворковала она, маня калеку ручкой, но тот лишь пялился на неё, как баран на новые ворота. «Раб привычек, – сокрушённо вздохнула карлица, и улыбка её сделалась пресной, как маца, – привык глазами совокупляться». Увечный застыл, как припиленный. Карлица приблизилась на локоть и заорала, как иерихонская труба: «Хватит дармоедничать, работать пора!» Ног у нищего так и не выросло, зато, когда его от испуга хватила кондрашка, у души выросли крылья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.